

ПОЭЗИЯ

«ПРОЖИТИЕ» СТИХИ

Еще ты весь в черновиках,
в неясных замыслах, в набросках,
еще в непрожитых стихах
ответов больше, чем вопросов...

Г. Умывакина

Слова о «непрожитых стихах» запомнились мне давно, лет тридцать тому назад, а может, и больше. Образ показался не только емким и выразительным, но и очень нужным. Как-то сразу стало очевидным, что стихи должны быть «прожиты», прочувствованы, продиктованы изнутри, а не просто написаны «на случай». Стихи Умывакиной — «прожитые» стихи...

Я помню ее еще школьницей. Маленькая, худенькая... Ничего необычного... Если бы не глаза. Какие-то особенные. Пожалуй, не сами глаза, а взгляд. Она смотрит на тебя, видит тебя, но, кажется, при этом видит еще что-то другое, более крупное, что ли. Точнее сказать не могу. Школьниц, пишущих стихи, довольно много. Не все потом становятся поэтами. А эта состоялась.

Потом — студентка. Вдумчивая. Но не из тех, кто хочет «нравиться». Самостоятельная.

Такая и в стихах. В них слышен чистый поэтический голос. Негромкий. Но совершенно свой. Это — стихи-раздумья. Открытой лиричности, очень «личного» здесь, пожалуй, мало. Больше заботит общее. Поэту не безразлична судьба страны. «Страниц истертых века-вертухая, / лихих годин листая письмена...», она остро чувствует трагизм этой судьбы. Думается, это — ее главная тема. Неслучайно у нее часты стихи о той большой войне, свидетелем которой она не могла быть, но прочувствовала ее как личную трагедию. Ей дорога российская культура, она справедливо ощущает себя ее частью, знает ее, живет в ней. И любит свою «родину Кольцова», город, где выросла, с которым срослась, любит его поэтов, его людей...

Стихам Умывакиной веришь.

Немаловажно и другое. Галина Умывакина — поэт большой культуры, впитавший в себя опыт большой русской поэзии. Но есть у нее и предпочтения. Переклички с «учителями» порой очевидны. Не потому что она несамостоятельна, скорее, для нее важно ощущать себя частью великой поэтической традиции.

Не рискну назвать поэзию Умывакиной «женской». Для этого она слишком сдержанная. Но у поэта женский взгляд. В нем вековая «материнская» озабоченность. Достаточно про читать «Грешницу». Пронзительное стихотворение. Его надо заучивать наизусть. Здесь вся судьба России.

Обычная сдержанность тона в стихах Умывакиной исчезает лишь в одном случае. Это происходит, когда речь идет о дочерях или внуках. Тогда как бы распахиваются обычно сокнутые двери, и, как поток свежего воздуха, врываются стихи. Неожиданно нежные, полные неприкрыто го лиризма, живого, нескрываемого, чувства. Исконного, естественного, подлинного:

Мальчики мои, поперечники, —
поутихи поближе к полночи.
Золотые мои бубенчики,
звонкие мои колокольчики!

Хорошо!

А. Ботникова

ЖИЗНЬ БЫЛА, НЕ ПРИМНИЛАСЬ...

ИЗ СЕМЕЙНОЙ ХРОНИКИ

Маруся, Митроша...

*В июне проклятого года
им выпало в отпуск уехать из города Гродно,
где днями спустя не осталось ни танка, ни взвода,
где двадцать второго погибло несметно народа.
Доселе отсрочен час их рокового ухода...*

(Писала их дочь в июне 2005 года).

Памяти А. Валагина

*Сжималась плоть в осаде роковой:
ползли недели, месяцы волочился,
в календаре переменялись числа,
и приближался день сороковой.*

*Подкрадывался плач исподтишка,
мольба молчала, музыка не пела.
Лишь детский лепет робкого стишка
бередил душу редко и несмело.*

*Всё сказано, и будет впредь, как есть,
всё кончится мучительно и грубо...
Но почему-то просто произнесть:
«Ты был, ты жил», — не научались губы.*

*Не оттого ль, где дальний мир живой
и горний свет сошлись на грани зыбкой,
сияла мне приветная улыбка
и накликал нам встречу голос твой?*

2006

*Сквозь глазок дверной сочится темь,
и затвор тюремный — щёлк да щёлк.
«Я ещё отбрасываю тень!
я отбрасываю,..*

я ешё...»

2008

ВНУКИ

1

*Здравствуй, сладкий Спас медовый,
яблочный душистый Спас!
Тот и этот — внук бедовый:
спасу нет от их проказ.
Ходят рядом подле дома,
доглядеть — не хватит глаз.*

*Впрок любви, печали вдоволь...
Что ты нам еще припас?*

2

*Подросший внук острижен «под нулёвку»
и свысока взирает на меня.
Пригладить нечего и обнимать неловко,
и незачем, и некому пенять.
Быть по сему, и в общем — всё в порядке.
Но идет взгляд, куда его ни кинь, —
глаза поблекшие, седые прядки
и сверстницы сухие локотки.*

3

*Мальчики мои, поперечники, —
поутихли поближе к полночи.
Золотые мои бубенчики,
звонкие мои колокольчики!*

*Так и жизнь пройдёт — день до вечера...
Пусть же отзовнят: время кончилось, —
ласковые мои бубенчики,
грустные мои колокольчики.*

2008—2009

УРОК ФОТОГРАФИИ

*...Не разбирайся, щелкай, милый кодак,
Покуда глаз — хрусталик кравчей птицы,
А не стекляшка!
Больше светотени —
Еще, еще!..*

О. Мандельштам

*Бутафорский реденький плетень,
чёрный ящик и слепящий блиц...
На лицо отбрасывают тень
заросли младенческих ресниц.

В свой черёд представят во плоти —
муж, изгнаник, мальчик, шеголёк.
И поймает зоркий объектив
взбитый кок и сивой пряди клок.

Милый «Кодак», что же ты не спас,
не сберег его перед концом?!
Разодрав на профиль и анфас,
в «дело» запечатали лицо.*

Выбрось все обрывки, все черновики:
всё равно не выудишь ни строки.
Пусть что-то болит, говорит,
просится наружу,
комом стоит, саднит, горчит, горит,
как будто изжога изводит душу.
Но всё уже сказано, разыграно в лицах.
И несть нам числа —
кликушам, юродивым, жрицам
от ремесла.
Тут бы и вспомнить про кол на лбу,
а мы голосим на весь белый свет:
«Братия, отзовитесь!».
Мошное эхо, да не до смеха.
Всю б нашу прорву — на молотьбу,
на пахоту. Проку в нас нет —
лишь веку помеха.
Песней не будешь сыт,
не накормишь народ.
Оголодала страна:
в полях и умах недород...
Что в решете у тебя, что сеешь, урод?
Это же буквы — не семена!

2009

ЖИГУЛИНСКИЙ ЭПИГРАФ

Кто занес тебя, берёза,
На такую высоту?..

На родине Кольцова
поэтом народясь,
скажи, кто не лупцован,
не гнут, не втоптан в грязь?

Обрушатся напасти:
попробуй убеги —
от спеси и от власти,
от жлобства и туги.

Век долгий иль короткий
суждён: добра не жди —
от хвори и от водки,
навета и нужды.

Загрузнув в отчей яме,
кляня родимый ямб,
чего ж тогда корнями
цепляемся за хлябь?

И утираем слёзы,
и манит высота
Жигулинской берёзы,
проросшей у креста.

2009

А. Б. Ботниковой

Тем временам, что кончились давно,
чья плоть почти поблекла и истлела,
тем временам пропащим всё ж дано —
из тьмы прорваться и восстать из тленя.

Тогда из глуби жизни иль трухи
житейской, бренной, словом,
персти сорной —
придут воспоминанья, как стихи,
не ведая ни страха, ни позора.

Тогда не знаешь — кто кому указ:
ум своенравен, сердце беззаконно,
слух прихотлив, а своеольный глаз
то в суть глядит, то к пустякам прикован.

Тогда достанешь письма, дневники
да ворох старых разномастных снимков.
Всю эту ветошь вокруг себя раскинь,
воспрянув духом иль в печали сникнув.

И ладно бы — с собой наедине...
А вдруг дерзнёшь — и на миру, прилюдно?
Тогда всех лиш живых, родных теней,
всех милых душ созвавши из-под спуда
дней отгоревших, отшумевших лет,
больного часа, радостного мига, —
живую память вызволишь на свет
и жизнь свою раскроешь, словно книгу.

2009

ГРЕШНИЦА (Россия, XX век)

Икон материнских стыдилась,
кровавого идола почитала;
не для крестного знамения —
на сходках руку поднимала;
детей во чреве убивала,
колоски с полей воровала;
своего с войны не дождавшись,
чужого мужа возжелала.

Из глаз ослепших стекает слезинка.
Не может вымолвить ни слова.
Шаг один — до смертного порога.

Матерь Божья, упроси, умоли Сына,
чтоб спрашивал сурово,
да не судил строго.

2009

Страниц истёртых века-вертухая,
лихих годин листая письмена,
кровавый пот, безвинный прах вдыхая,
чуть слыша голоса и имена.

Страниц заклеенных, оплёванных, измятых,
закрытых наглухо или кричащих ртов —
сороковых, тридцатых и двадцатых,
и прочих приснопамятных годов.

Не успеваешь ни вздохнуть, ни охнуть,
припомнив: «Знаешь, где он твой уют?».
А с вышки времени орёт все так же вохра:
«Охранных грамот здесь не выдают!»

2009

РОЖДЕСТВЕНСКОЕ ПОСЛАНИЕ ВЛАДИМИРУ РЕЦЕПТЕРУ

*Не письмо в конверте со службой почтовой конной,
без сургучной печати, без веточки засушённой...*

*Но тут не до старых рецептов — дорога ложка к обеду.
И какая разница: версией электронной
или на книжной странице среди прочих перлов?
Да и ты Рецептер — не Гамлет, не Грибоедов,
хоть и был похож на второго, а явился первым.*

*Движется солнце к закату, луна на ушербе.
Самое время — как на душу ляжет — подвести итоги,
пока душа ешё слышит плач птичий, детский шебет.
Самое время — Рождество на пороге.*

*Сыпали нам под ноги комья и шебень.
Но мы не рядились в обноски, не были рванью,
ложь не принимали на веру, впадали в ересь,
любовью спасаясь, зализывали раны,
что нам день ли, век ли наносили, щерясь.*

Поздно жить начинали, хоть просыпались рано.

*Не толкались локтями, не ели от пузза,
песенке неразумной не наступали на горло,
всё искали, где тонко, где рвется, где узко,
и с толпой не пёрли по дороге торной.*

*Другим доставалась гусиная гузка,
парады, награды, звуки валторны.*

*Жизнь была, не примнилась... И всё же мы дали дёру
от фимиамов смрадных, от распри лютоя.
Внуки нас, чтоб не мёрзли, теплым укроют дёрном,
и расцветут над нами фиалка и лотик.*

*Но хватит о грустном пророчествовать, каркать:
мол, движется солнце к закату, и выдался день не из лёгких,
и луна на ушербе, и что-то врачи находят у меня в лёгких,
и вчера-завтра опять суета-маята, обыденная запарка.*

*Питерскому ворону долгой желаю жизни,
что б там календари ни врали, врачи ни лгали:
рано еще, пожалуй, нам горевать на тризне.
Впрочем, как Бог даст, как расписано по его смете...*

*Ну, до свиданья, до встречи.
Здесь ли, на том ли свете
свидимся.*

Птица Галя.

2010

Оклейка окон — та ешё морока!
Особенно, если рассохлись рамы,
что в букваре когда-то «мыла мама».
Сие занятие не имеет срока.

Сначала мама, следом я и дочки
усердно ветошь набивали в шели,
а можно — вату. Но еще до цели
нам далеко: мы не дошли до точки.
Куда ни глянь — забот невпроворот!

Хоть на дворе и день иной, и год —
ждёт клейстер из муки или крахмала:
то много сваришь, то, как **назло**, — мало.
Но можно, впрочем, натирать обмылком,
соль между рам насыпать и бутылки
с водой поставить, чтобы не запотели
стёкла.

Конца не видно этой канители...

Потом готовь полоски от газеты:
чтоб край обрезать, пересмотришь груду!
И хоть генсеков множились портреты,
менялось время не к добру, а к худу.

Но ничего: справлялись, не робели.
Подумаешь, пустяк — заклеить шели,
мыть раму, стёкла натирать бумагой
или зубным, к примеру, порошком.
И дальше жить... Какая в том отвага?

День длинным был, работа спорой,
жизнь долгою казалась и не скоро —
старость,
что всё же добралась до нас тишком.

Сейчас пришли другие времена:
не то чтоб хуже и не то чтоб легче.
Иные беды давят нам на плечи,
иных вождей читят, лицезря, страна.
длиннее стали улицы, а дни — короче.

Но шели мы всё так же затыкаем,
и руки наши так же затекают,
да время всё быстрее утекает...

Порой не чаем дотянуть до ночи,
рукам дать отдых, сердцу передышку,
душе утехи — и заснуть над книжкой,
успев подумать: осень на дворе, —
наверно, рамы моют в букваре...

2010

10 февраля 2010 года

Вот заладили: Путин, Путин, —
словно манны ждем благодатной,
словно не плутали в лживой мутни,
не хлебали пустой баланды,
словно слов живых нет в запасе,
словно помнить мы перестали,
и на чёрной доске в младшем классе
всё так же пишут: Сталин, Сталин.

Так не лучше ли без зазренья
стучать в лепрейские колотушки
и ни слухом не знать, ни зренем,
как воздух дышит: Пушкин, Пушкин?!

...А птиха какая-то — дела ей мало
до сердца мороки, до музыки исповедальной —
порхнула за ближним стожком и пропала,
и снова мелькнула за деревом дальним.
Взлетела, пропала... А я её в строчку поймала!

Хотя я совсем не гожусь в птицеловы,
в ловцы человеческих душ не подряжаюсь.
Но воздух, что взглядом моим зацепован,
и землю, где милость я знала и жалость, —
ничем не могу отдать, кроме бедного слова...

2010